

Научная статья
УДК 34.01

БАЗОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАК ПРЕДПОСЫЛКА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Дмитрий Сергеевич Чукин

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, Саратов, Россия, dchukin@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на то, что справедливость входит в перечень классических тем философии и теории права, работа по созданию метатеории справедливости не привела к удовлетворяющим все заинтересованные стороны результатам. Истоки правоприменительной справедливости следует искать в социальной структуре общества, поскольку право – это социальный конструкт. Современные общества характеризуются крайне гетерогенной структурой, что существенно усложняет поиск универсальной теории справедливости. На социальную структуру сильное влияние оказывает ценностный фон, складывающийся из традиций, обычаев, бытовых привычек, которые формируются в течение истории и включают в себя, в том числе, представления о справедливости. Реализация справедливости в праве таким образом требует гибкого подхода с опорой на здравый смысл, опыт, обширные знания субъектов правоприменения.

Ключевые слова: справедливость, право, философия права, общество, социальная справедливость, правоприменение

Для цитирования: Чукин Д. С. Базовая социальная структура как предпосылка справедливости // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 1 (18). С. 79–85. URL: [https://svkinio.ru/2025/1\(18\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2025/1(18)/Chukin.pdf).

Original article

BASIC SOCIAL STRUCTURE AS A PREREQUISITE FOR JUSTICE

Dmitry S. Chukin

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov, Russia, dchukin@yandex.ru

Abstract. Despite the fact that justice is included in the list of classical topics of philosophy and theory of law, the work on creating a meta-theory of justice has not led to satisfactory results for all interested parties. The origins of law enforcement justice should be sought in the social structure of society, since law is a social construct. Modern societies are characterized by an extremely heterogeneous structure, which significantly complicates the search for a universal theory of justice. The social structure is strongly influenced by the value background, which consists of traditions, customs, and everyday habits that are formed over the course of history and include, among other things, ideas about justice. The realization of justice in law, therefore, requires a flexible approach based on common sense, experience, and extensive knowledge of law enforcement entities.

Keywords: justice, law, philosophy of law, society, social justice, law enforcement

For citation: Chukin D. S. Basic social structure as a prerequisite for justice. *Izvestija of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*. 2025;(1):79-85. Available from: [https://svkinio.ru/2025/1\(18\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2025/1(18)/Chukin.pdf). (In Russ.).

*Всюду, где люди думают, обнаруживается и раз-
ногласие, и единомыслие.*

Фактом, который признают большинство обществоведов, является чрезвычайная дифференцированность современных обществ, от простых их форм до самых сложных и больших [1]. Причину этого следует искать в изменениях, вызванных проникновением информационных технологий во все сферы, - от производства до приватной жизни. Ушла в прошлое социальная структура, основанная на традиционном разделении труда, большинство в котором составляли люди, занятые в материальном производстве и производящие основную долю общественного богатства. Сейчас их уверенно вытесняют специалисты IT-индустрии, банковские клерки, специалисты сферы услуг, разнообразные консультанты и аналитики. Появляются новые профессии, зачастую со своим этосом, отличающимся от ценностных установок большого общества. Следствием такой дифференциации является локализация нормативных представлений, в том числе и по вопросу о справедливости. Представитель коммунитаристского дискурса Майкл Уолцер считает, что в современном разнородном обществе не имеет смысла искать единый стандарт справедливости: «Блага должны распределяться в соответствии с теми критериями, которые приняты в данной конкретной сфере» [2]. Такое понимание дистрибутивной справедливости означает асимметричный подход к распределению: человек, пользующийся благами определенной сферы на основании своих заслуг перед ней, не может рассчитывать на то, что за эти заслуги он имеет право пользоваться благами другой сферы. Например, министр обороны, обладающий полномочиями в руководимой им области и имеющий за это соответствующие привилегии, не вправе рассчитывать на такой же вес в области экономики или образования.

Создание универсальной теории справедливости представляется невыполнимой задачей, поскольку требует обобщения множества гетерогенных и имеющих только локальное значение представлений. По этой причине внимание исследователей права в настоящее время огра-

ничивается, в основном, поиском таких формул справедливости, которые смогут выдержать столкновение с действительностью в ходе практической реализации. Поскольку реальная жизнь отличается постоянной изменчивостью и новизной ситуаций, основная тяжесть ложится на тех, кто принимает ответственные решения, связанные с локализацией справедливости. Как правило, это судьи и чиновники. Но они в свою очередь нуждаются в нормативной базе, что превращает ситуацию в замкнутый круг. Чтобы его разомкнуть, необходимо еще раз вернуться к исходной ситуации и попытаться ответить на вопрос о том, насколько современные общества действительно разделены на автономные и ценностно разнородные сферы. Действительно ли представления о справедливости, характерные для продавца супермаркета, существенно отличаются от представлений о справедливости, свойственных врачу, учителю и риелтору, которые живут и работают в этом же районе? Насколько различно понимание справедливости у верующих разных конфессий — христиан, буддистов, мусульман и иудеев? Может быть причиной различий является простое невежество в отношении других, недопонимание? Макс Вебер, говоря о выравнивающей роли повседневной жизни при наличии недоразумений нормативного характера, отдавал себе отчет, что пределами этого выравнивания также является обыденная жизнь, ограниченная местными условиями [3]. Когда же речь идет о политике справедливости для государства и большого общества, было бы наивным надеяться на то, что различия минимизируются сами собой и удовлетворяющее всех решение будет найдено само собой. Здесь необходима осознанная и целенаправленная деятельность, направленная на создание справедливой социальной структуры.

Смысл любой социальной формы заключается в объединении индивидуальных усилий для достижения общих целей, и, посредством этого, максимально полного обеспечения частных потребностей. Важным критерием общественного благополучия является сбалансиро-

ванность индивидуальных интересов и общего блага, которая предполагает согласие по базовым ценностям, в том числе, и относительно справедливости. Основой любого общества считается его структура, включающая в себя различные общности, а также институты, связывающие и координирующие общую деятельность. Главная функция социальной структуры состоит в выравнивании существующего в любом обществе различия интересов, чтобы оно не препятствовало достижению его целей. Необходимым условием стабильной социальной структуры является справедливость [4].

Характеристики справедливой социальной структуры вытекают из сущности социальности как объединения индивидов, которые испытывают проблемы изолированного существования из-за своей несамодостаточности, и решают их за счет кооперации. Это означает, что общество – это союз разных, а не равных: земледелец нуждается в продукции ремесленника и рыболова, а не другого земледельца. Иными словами, социальная структура представлена индивидами и группами, профессиональные и социальные роли которых востребованы и конкурентоспособны в рамках разделения труда и распределения обязанностей. Значимость отдельного человека и группы, в которую он входит, определяется производственным базисом, принуждающим людей приобретать те знания и умения, которые востребованы в данном конкретном обществе. Квалифицированный врач, инженер, финансовый работник ценятся намного выше, чем человек, выполняющий неквалифицированную, не требующую специального, длительного и дорогостоящего обучения работу. Соответственно, большее вознаграждение и высокий статус первых воспринимаются как справедливые. В отлаженной и сбалансированной социальной структуре каждый занимает свое место и оценивается в соответствии с ним. Принципиально важным требованием является запрет на социальное иждивенчество: как говорил герой рассказа Н. С. Лескова «Однодум», любая работа должна быть потной. Никто не должен есть хлеб, который он не заработал. Если это имеет место, то имеет место и несправедливое устройство общественной жизни.

Современные общества демонстрируют множество, на первый взгляд, парадоксов, связанных со справедливой оценкой индивидуального вклада в общее дело [5]. Справедливой ли является базовая структура общества, в которой профессиональная теннисистка за год получает сумму, которую высококвалифицированный рабочий или вузовский профессор не заработают за всю свою трудовую карьеру? Оправдание такого положения дел через ссылку на рыночные механизмы не принимается всерьез даже убежденными либералами. Поэтому распределение благ, внимания и других ресурсов в современных сложных обществах представляет собой сложную задачу и требует учета не только фактических данных, но и нормативных элементов. На социальную структуру сильное влияние оказывает ценностный фон, складывающийся из традиций, обычаев, бытовых привычек, которые формируются в течение истории и включают в себя, в том числе, представления о справедливости. В соответствии с ними справедливым может считаться запрет на появление женщины в публичном месте без сопровождения родственника-мужчины или табу на некоторые виды деятельности, например, ростовщичество у мусульман. Это подтверждает высказанное выше суждение о локализации и дифференциации справедливости, которое подтверждается и эмпирическими исследованиями [6].

Изменившееся содержание современного производства, исчезновение привычных профессий и появление новых не отменяют методологического требования, сформулированного Марксом: сущность общества аккумулирована в производственной сфере и связанных с ней отношениях распределения. Тот факт, что в цифровой экономике на смену рабочему у конвейера пришел IT-специалист, не меняет политики распределения, которую определяет собственник средств производства. Поэтому магистральным направлением в решении проблемы социальной справедливости по-прежнему остается совершенствование отношений собственности. Это стратегическая цель, предполагающая изменения на уровне социальной онтологии. Тактической же задачей является поиск компромиссных формул справедливости на феноме-

нальном уровне общественного бытия, характеризующемся социокультурным многообразием. Результатом может стать если не обеспечение справедливости, то хотя бы уменьшение несправедливости.

Основным препятствием на этом пути являются различия, которые не могут быть проигнорированы без опасности нарушить хрупкое общественное равновесие. Но следует иметь в виду, что бывают и различия. Одни из них неразрывно связаны с идентичностью объектов, входят в состав их самости, и их устранение влечет за собой разрушение этих объектов. Вполне объяснимо, почему индивиды и группы считают покушение на эти различия проявлением несправедливости и сопротивляются этому мыслимыми и немислимыми способами. Другие различия не относятся к разряду принципиальных, и по ним возможны переговоры и достижение компромисса. Однако строгого реестра существенных и второстепенных различий не может быть в принципе, поскольку их статус определяют время и место: так маскулинность считается важным идентификационным признаком в военизированных и охотничьих обществах, но теряет свою значимость в современном мире, где успех определяется интеллектом и способностью договариваться, а не враждовать. Этнические признаки имели значение тогда, когда требовалась консолидация группы в противостоянии недружественным соседям, и необходимы были четкие и понятные маркеры, отличающие своих от чужих. В любом случае идентичность представлена не одним признаком, а их набором, уникальность которого определяется «склеивающим», синтезирующим фактором, в роли которого может выступить какая-либо ценность или прагматический резон. Поэтому одни и те же компоненты могут в итоге дать разное целое. Таким образом, можно утверждать, что идентификация объектов необходима для выявления значимых факторов с последующим их включением в состав критериев справедливости. При этом неважно о какой справедливости идет речь — дистрибутивной, воздающей или обменной [7].

Для того, чтобы различие стало объектом внимания и защиты, оно должно иметь цен-

ность не только для отдельных индивидов, но и для группы, в состав которой он входит. Нередки случаи, когда носители определенных качеств, которые они сами считают достоинствами, не получают признания со стороны общества, поскольку эти качества не признаются важными и ценными с точки зрения общественного блага. Индивиды оценивают такое пренебрежение своей особостью как проявление несправедливости, тогда как общество отказывается считать его таковым. Этому есть вполне приемлемое объяснение: если обращать внимание на все различия, предоставляя их носителям особые права, то законодательная и правоприменительная деятельность окажется парализованной. И, что немаловажно, это будет большим обременением для общего бюджета.

Казалось бы, принцип нормативной (ценностной) нейтральности права, требующий исключения из содержания правовых норм любых представлений о благе, решает описанную выше проблему, отнеся различия к ценностным предпочтениям. Закон в состоянии гарантировать среднюю норму справедливости, и требовать от него большего невозможно [8]. Если кто-то желает полной справедливости, он может «добрать» её в других сферах: в семье, общине, клубе по интересам, кругу друзей и коллег. Такое ограничение возможностей права, как инстанции справедливости, считалось приемлемым решением в традиционных и современных обществах, в которых нормативная разнородность хотя и имела места, но не была радикальной и минимизировалась законодательными, политическими, социальными механизмами. В конце XX века в большинстве государств люди не голодали, имели крышу над головой и минимум жизненных благ. Социальная структура, обеспечившая это, отвечала классическим критериям справедливости. Какое-то время страны Западной и Северной Европы, США, Канада и другие, декларирующие себя в качестве социальных государств, пребывали в уверенности, что им удалось решить вечную проблему социальной справедливости. В том числе и об этом заявил Френсис Фукуяма в ставшей бестселлером статье «Конец истории?» [9]. Как он сам признал впоследствии, это утверждение оказа-

лось поспешным и было опровергнуто событиями, последующими вслед за разрушением двухполюсного мира и вступлением человечества в продолжающийся до сих пор период неопределенности и хаоса в международных отношениях. Теоретики называют его эпохой плюрализма и констатируют тщетность попыток установления стабильного согласованного миропорядка с общей для всех системой ценностей.

Плюральный характер современного мира означает, что в нем сосуществуют разные, часто даже противоположные, экономические системы, политические режимы, образы жизни, нравственные ценности и эстетические вкусы, проявляющиеся на разных уровнях — от индивидуальных предпочтений до групповых стандартов. Для одних индивидов и стран справедливость состоит в том, чтобы иметь гарантированную чашку риса в сутки и не опасаться за свою жизнь. Для других справедливость связана с уважением к их образу жизни, праву на качественное медицинское обеспечение и равенству возможностей для мужчин и женщин во всех сферах жизни. Реализация справедливости в этих системах требует гибкого подхода, опоры на здравый смысл, опыт, обширные знания тех, кто принимает решения и совершает действия. Методологическим основанием гибкой справедливости может стать концепция трансверсальной рациональности, предложенная немецким философом и методологом Вольфгангом Вельшем. С её помощью он пытается установить рефлексивное равновесие между гетерогенными представлениями о справедливости, установить точки соприкосновения между ними [10]. Перспективы имеет также концепт индивидуации, предложенный философом

Жильбером Симондоном и продвигаемый в современном обществознании Мануэлем ДеЛанда [11]. Сходных взглядов на политику справедливости в разделенных обществах придерживается англо-американский теоретик права Рональд Дворкин. Он убежден, что каждый правоприменитель рано или поздно понимает, что жизнь богаче, чем имеющиеся в его распоряжении законы. Чтобы принять справедливое решение, он должен выйти за пределы правовой сферы, погрузиться в контекст, учесть «голос» морали, исторические традиции, политическую целесообразность и множество других нюансов. И при этом не поступаться фундаментальными принципами права. На это способен правоприменитель, которого Дворкин называет «юридическим Геркулесом», индивидом, обладающим «сверхчеловеческой квалификацией, ученостью и терпением» [12]. Политика гибкой справедливости действительно нуждается в такого рода «Геркулесах» в тех сферах жизни, где совершаемые действия и принимаемые решения связаны с реализацией справедливости. Неизбежная опасность произвола, связанная с предоставлением субъекту правоприменения таких полномочий, может быть существенно снижена повышенными требованиями к профессиональным и личностным качествам этих людей.

Таким образом, главным препятствием на пути к созданию универсальной теории справедливости в условиях современных дифференцированных и плюральных обществ является невозможность игнорирования обыденных представлений людей и социальных групп, складывающихся в течение истории и определяемых локальными факторами.

Список источников

1. Гражданское общество: истоки и современность / И. И. Кальной, Г. В. Овчинникова, И. Н. Лопушанский [и др.]. СПб.: Юр. центр Пресс, 2000. 255 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21326423> (дата обращения: 05.01.2025). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
2. Walzer, M. *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. Basic Book, 1983. P. 8.
3. Философия: учеб. для юр. вузов / В. А. Кудин, В. В. Балахонский, Б. К. Джегутанов [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2010. 591 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35237834> (дата обращения: 05.01.2025). До-

ступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

4. Чукин, Д. С. Справедливость как имманентный признак права // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: науч. журн. 2023. № 4 (100). С. 49–51. ISSN 2712-8911 (online). Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59407735> (дата обращения: 05.01.2025). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

5. Философия: учеб. для юр. вузов / С. В. Степашин, В. П. Сальников, В. И. Стрельченко [и др.]. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Фонд "Университет", 2006. 495 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35236371> (дата обращения: 05.01.2025). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

6. Образование — базовое основание культуры / И. И. Кальной, С. В. Юрченко, В. А. Чигрин [и др.]. Луганск: Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Л. Матусовского, 2022. 400 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=whoklv> (дата обращения: 05.01.2025). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

7. Чукин, Д. С. Проблемные аспекты реализации принципа справедливости правоприменителем // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии: науч. журн. 2024. № 2 (15). С. 112–123. ISSN 2949-5245 (online). URL: [https://svkinio.ru/2024/2\(15\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2024/2(15)/Chukin.pdf) (дата обращения: 10.01.2025).

8. Чукин, Д. С. О необходимости соблюдения принципа справедливости при законотворчестве и законотолковании // Военное право: науч. журн. 2024. № 3 (85). С. 201–208. ISSN 2074-1944 (print). URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/8611?ysclid=m4zsy48t3v228247177>. Дата публикации: 07.05.2024 (дата обращения: 10.01.2025).

9. Фукуяма, Ф. Конец истории? // Вопросы философии: науч. журн. 1990. № 3. С. 134–148. Электрон. версия. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf> (дата обращения: 10.01.2025). Доступна на сайте elar.urfu.ru.

10. Welsch, W. Vernunft. Die Zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft. Fr.-am-M, 1995. S. 850.

11. DeLanda, M. DeLanda, M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006.

12. Дворкин, Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 390 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://djvu.online/file/EH3XegNliFdm3> (дата обращения: 10.01.2025). Доступна на сайте djvu.online.

References

1. Kal'noy II, Ovchinnikova GV, Lopushanskiy IN, et al. *Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost'* = *Civil society: origins and modernity*. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press; 2000. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21326423> [Accessed 5 January 2025]. (In Russ.).

2. Walzer M. *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. Basic Book; 1983. (In English.).

3. Kudin VA, Balakhonskiy VV, Dzhegutanov BK, et al. *Filosofiya = Philosophy: a textbook for law schools. 4th edition, revised and expanded*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii; 2010. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35237834> [Accessed 5 January 2025]. (In Russ.).

4. Chukin DS. Justice as an immanent feature of law. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 2023;(4):49-51. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59407735> [Accessed 5 January 2025]. (In Russ.).

5. Stepashin SV, Sal'nikov VP, Strel'chenko VI, et al. *Filosofiya = Philosophy: a textbook for law schools. 3rd edition, revised and supplemented*. Saint Petersburg: Fond "Universitet"; 2006. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35236371> [Accessed 5 January 2025]. (In Russ.).

6. Kal'noy II, Yurchenko SV, Chigrin VA, et al. *Obrazovanie – bazovoe osnovanie kul'tury = Education is the basic foundation of culture*. Lugansk: Luganskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv im. M. L. Matusovskogo; 2022. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=whoklv> [Accessed 5 January 2025]. (In Russ.).

7. Chukin DS. Problematic aspects of the implementation of the principle of justice by a law enforcement officer. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii = Izvestija of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*. 2024;(2):112-123. Available from: [https://svkinio.ru/2024/2\(15\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2024/2(15)/Chukin.pdf) [Accessed 10 January 2025]. (In Russ.).

8. Chukin DS. On the need to observe the principle of justice in lawmaking and law interpretation. *Voennoe parvo*. 2024;(3):201-208. Available from: <http://www.voennoepravo.ru/node/8611?ysclid=m4zsy48t3v228247177> [Accessed 10 January 2025]. (In Russ.).

9. Fukuyama F. The end of the story? *Voprosy filosofii*. 1990;(3):134-148. Available from: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/226/1/fukujama.pdf> [Accessed 10 January 2025]. (In Russ.).

10. Welsch W. Vernunft. Die Zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft. Fr.-am-M, 1995. (In English.).

11. DeLanda M. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. L.: Continuum, 2006. (In English.).

12. Dvorkin R. *O pravakh vser'ez = About rights in earnest*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya; 2004. Available from: <https://djvu.online/file/EH3XegNliFdm3> [Accessed 10 January 2025]. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 20.03.2025.